

ПРИСЯГА ВОЕННАЯ: ФИЛОСОФСКО-АНТРОПОЛОГИЧЕСКОЕ ПОНИМАНИЕ

Рассматривается переход (обращение) из статуса «человека гражданского» в «человека военного» на примере принятия военной присяги – основного закона жизни военнослужащего, как человек принимает новое пространство бытия – новый образ жизни и законы, его определяющие.

Статья подготовлена в рамках проекта РФФИ № 07-06-12029-офи и проекта РГНФ № 08-03-00590а.

Армия – душа государства.
Петр I

Введение

Несомненно, как постановка задачи, при всей своей конкретности – принятие военной присяги, – так и найденный адекватный методологический аппарат и возможные полученные ответы могут иметь самый широкий и самый многообразный выход: и в теоретическом, и в методологическом, и в практическом аспектах. Дело в том, что такая постановка относится к той части философского, теоретического и практического пространства, которое связано с комплексными междисциплинарными проблемами изучения человека.

Воспитание воина, защитника Родины – задача, отнюдь, не простая. Решение всего комплекса междисциплинарных связанных с такой задачей вопросов невозможно без философско-антропологического понимания и истолкования процессов трансформации самоидентичности человека при его переходе (обращении) из статуса «человека гражданского» в «человека военного».

Рассмотрим такой переход на примере принятия военной присяги – основного закона жизни военнослужащего. На примере того, как человек принимает новое пространство бытия – нового образа жизни и закона, ее определяющего.

Итак, с одной стороны мы попытаемся получить ответы на конкретные вопросы, связанные с принятием военной присяги: как человек принимает присягу, как он становится другим человеком, попадая в новую для него реальность. С другой – получить ответы на более общие вопросы о том, как человек принимает пространство новых для него законов. Как он «примеривает» новый образ жизни – новый способ бытия-ствования, про-

живает переход из одного пространства – гражданского в другое – военное, в пространство новой юрисдикции и новой ответственности?

Полученные результаты рассмотрения принятия присяги как точки выбора, траектории перехода и личной трансформации на линии жизни человека могут иметь, как уже отмечалось выше, самое широкое значение. Особенно применительно к целям становления, развития и организации гуманитарной экспертизы как общей, так и ее частых приложений: в сфере юриспруденции и организации правопорядка, военного строительства и регламентации жизни военнослужащих. В практическом плане немаловажным считаю демонстрацию возможностей гуманитарной экспертизы в данной, достаточно специфичной сфере человеческой деятельности. Еще раз подчеркну, что речь пойдет о ее становлении.

И еще надо иметь в виду, что статья носит постановочный характер, не претендуя на всю полноту вопросов, и тем более на всю глубину ответов. Но, несомненно, статья создает прецедент и задает методологическую модель вскрытия механизмов развертывания (отражения и порождения) во внутреннем пространстве человека опасной профессии, «человека военного» специфического способа его укоренения в новой для него действительности или, иными словами, в опасном жизненном пространстве.

И, в конце концов, статья формирует новый ракурс – общее пространство для обсуждения философских и теоретических проблем осмысления всего комплекса вопросов, связанных с человеческим фактором в современной войне. Несомненно, то, что разработка философии современной войны невозможна без учета рассмотренной в данной статье «я-трансформации» виртуальных структур самоидентичности военнослужащего – «человека военного», человека опасной профессии.

Пронин Михаил Анатольевич – кандидат медицинских наук, руководитель исследовательской группы «Виртуалистика» Института философии РАН.

¹В дополнение к настоящей работе смотри понимание виртуальности в работах исследовательской группы «Виртуалистика» (ИГВ) Института философии РАН (ИФ РАН): www.virtuallistika.ru.

Присяга как материал исследования и категориальная сетка его анализа

Присяга военная – основной закон жизни военнотружущего. Если воспользоваться давним тезисом В. фон Гумбольта – это «способ укоренения человека в действительности» [1]. Рассмотрим, как происходит онтологический переход из пространства гражданской жизни в жизнь военную, из одного пространства и способа бытийствования в другое.

В качестве объекта для анализа и одновременно для сравнения взяты военные присяги СССР и современной России. Приведем их тексты.

«Я, гражданин Союза Советских Социалистических Республик, вступая в ряды Вооруженных Сил, принимаю присягу и торжественно клянусь быть честным, храбрым, дисциплинированным, бдительным воином, строго хранить военную и государственную тайну, беспрекословно выполнять все воинские уставы, приказы командиров и начальников.

Я клянусь добросовестно изучать военное дело, всемерно беречь военное и народное имущество и до последнего дыхания быть преданным своему Народу, своей Советской Родине и Советскому Правительству.

Я всегда готов по приказу Советского Правительства выступить на защиту моей Родины – Союза Советских Социалистических Республик и, как воин Вооруженных Сил, я клянусь защищать ее мужественно, умело, с достоинством и честью, не щадя своей крови и самой жизни для достижения победы над врагами. Если же я нарушу эту мою торжественную присягу, то пусть меня постигнет суровая кара советского закона, всеобщая ненависть и презрение трудящихся» [2].

«Я, (фамилия, имя, отчество), торжественно присягаю на верность своей Родине – Российской Федерации.

Клянусь свято соблюдать ее Конституцию и законы, строго выполнять требования воинских уставов, приказы командиров и начальников.

Клянусь достойно выполнять воинский долг, мужественно защищать свободу, независимость и конституционный строй России, народ и Отечество» [3].

На первый взгляд существенных отличий между прежней и новой присягами нет, за исключением всем заметного принципиального отсутствия советской системы координат. Но давайте рассмотрим интересующий нас момент отличий пристальнее.

В качестве категориальной сетки анализа и сравнения возьмем схему, предложенную В.С. Степиным [4] для различения типов научной рациональности: объект, инструмент (средство описания объекта) и субъект

познания. Речь, таким образом, идет о философско-методологических основаниях планируемого анализа.

Классическая наука связана с объектноориентированным подходом к познанию мира, на следующем, неклассическом этапе, в схему рациональности включили средства (инструменты) познания, и, наконец, на третьем, постнеклассическом этапе, в схему рациональности появляется и субъект исследования – ученый, исследователь.

Например, структура неклассического научного исследования общеизвестна – материалы и методы исследования, так описывается методическая часть любой диссертационной работы.

В качестве подсистем субъекта в постнеклассической схеме В.С. Степиным выделены цели и ценности субъекта науки: социальные и частные, общенаучные. В нашем случае при рассмотрении «человека военного» частными выступают «внутривоенные» цели и ценности субъекта военной геополитики.

Одновременно В.С. Степин указывает на традиционную проблему различения, разделения экстернализма – интернализма при рассмотрении как средств научной рациональности (инструментария), так и компонентов субъекта в частности, заключающуюся в известной «вольности» или сложности «правильного», т.е. однозначного отнесения некоторых конструктов к инструментарию или субъекту в предлагаемой им схеме. Когда начнем разбирать субъектную структуру присяги, обозначенная методологическая проблема станет более проявленной.

При такой постановке целей анализа текст присяги будет рассмотрен как перформатив – речевое действие.

С одной стороны, в попытке взглянуть на присягу как на перформатив нет ничего нового [5]. С другой – в отличие от коллег мы попытаемся раскрыть антропологический (в упрощенном виде – психологический) механизм действия присяги и оценить ее силу. Такая формулировка задачи анализа нетрадиционна и нова в своей постановке. Краткое обоснование возможности такого рассмотрения присяги было сделано М.А. Прониным ранее, как и объяснение возможных причин отсутствия подобных попыток и постановок в лингвистике [6].

Философско-лингвистический аспект реализованного подхода состоит в следующем. Оставляя в стороне тонкости философско-методологического подхода теории речевых актов Дж. Остина [7], будем иметь в виду в качестве гипотезы анализа возможность раскрыть механизм перлокутивной силы присяги и в качестве его целей – попытку провести оценку ее силы.

Если коротко, то перлокуция – результат речевого акта, иллокуция – его цель, а локуция – сам речевой акт – речение, говорение. Примеры речевых действий (высказываний, которые сами и являются действием) – «нарекаю тебя Петром», «часы свои завещаю племяннику».

Таким образом, в нашем случае присяга рассматривается как речевое действие, направленное человеком на самого себя. Действие (акт) предполагает определенные цели, достигаемые в результате выполнения некоего алгоритма (последовательности действий) собственной самотрансформации и результата такого действия (акта) – «я-трансформации» говорящего (принимающего клятву) человека. Следовательно, одновременно мы будем рассматривать и события (акты) во внутреннем пространстве человека при принятии присяги.

Таким образом, ниже представлены результаты структуризации текстов военной присяги СССР и присяги независимой России в рамках постнеклассической рациональности и их последующего анализа – оценки их перлокутивной силы (прежде всего – теоретически возможной, так как, естественно, что любую присягу можно принять формально – просто прочитать).

Итак, рассмотрим последовательно структуру текстов каждой из присяг, а затем уже проведем сравнение, получим некоторые выводы и определимся с перспективами.

Результаты анализа военной присяги СССР

Структура присяги СССР (табл. 1) демонстрирует определенную сбалансированность обязательств субъекта, детерминированных внешними обстоятельствами (экстерналиных ему) и «интернизированных» им.

«Интернизация» в нашем понимании означает, что обязательства переведены во внутренний императив жизни субъекта. Прожиты (пережиты, прочувствованы, поняты) и приняты человеком. Обратите внимание на то, как это делается, как это происходит, на что направлено действие текста военной присяги (содержание иллокутивного акта) и на достижение какого результата (содержание перлокутивного акта).

Процесс интернизации, принятия начинается с первых же слов присяги через самоопределения себя (имярек) как гражданина Союза Советских Социалистических Республик, который принимает присягу, в узком смысле – юридические обязательства, возникающие не просто так, а в результате вступления в ряды Вооруженных сил, т.е. в связи со сменой системы жизненных координат. Идет очень точное позиционирование человека в пространстве внутреннем и внешнем. Человек отдает себе полный отчет в том, кто он и где он, и в том – кем он должен стать.

Подчеркнем слово «ряды» – то место, конкретное, которое военнослужащий чувствует, ощущает своим собственным телом: Вооруженные силы в таком залоге

Таблица 1

Постнеклассическая субъектная структура военной присяги СССР

Подход к рассмотрению структуры присяги	Структура субъекта военной геополитики			
	«внутривоенные»		социальные (внешние)	
	цели	ценности	цели	ценности
Экстернализм	<торжественно клянусь...> строго хранить военную... тайну	Я клянусь Добросовестно изучать военное дело, всемерно беречь военное... имущество	торжественно клянусь строго хранить государственную тайну	<я клянусь... всемерно беречь...> народное имущество если же я нарушу эту мою торжественную присягу, то пусть меня постигнет суровая кара советского закона, всеобщая ненависть и презрение трудящихся
Интернализм	<торжественно клянусь...> беспрекословно выполнять все воинские уставы, приказы командиров и начальников	...торжественно клянусь быть честным, храбрым, дисциплинированным, бдительным воином... как воин Вооруженных сил, я клянусь защищать ее <Родину> мужественно, умело, с достоинством и честью, не щадя своей крови и самой жизни...	Я всегда готов по приказу Советского Правительства выступить на защиту моей Родины – Союза Советских Социалистических Республик... ...для достижения победы над врагами...	Я, гражданин Союза Советских Социалистических Республик, вступая в ряды Вооруженных Сил, принимаю присягу и торжественно клянусь... клянусь... до последнего дыхания быть преданным своему Народу, своей Советской Родине и Советскому Правительству

– вещь не абстрактная, а сугубо конкретная, предметная, наблюдаемая онтология. Не зря в советское время ее определяли как «боевая семья». (Опять же, следует различать тело и телесность) [8].

Идем дальше, имярек торжественно клянется «быть честным, храбрым, дисциплинированным, бдительным воином...» – собственно в этом самоопределении себя и состоит клятва, а не в обязательствах по договору. Обязательство «...хранить военную и государственную тайну...» сопровождается несколько странным для сухих договоров словом «строго», как и не менее «интернизированным» обязательством «...беспркословно (здесь и далее выделено мной – М.П.) выполнять все воинские уставы, приказы командиров и начальников...». Прямо-таки монашеский обед послушания получается.

Таким образом, первый абзац присяги СССР фиксирует смену статуса субъекта-гражданина и решает задачу формирования онтологического (бытийного) пространства (мира) субъекта-военного.

Второй абзац присяги СССР, заметим, также начинается со слов «Я клянусь...» и направлен на формирование системы личных ценностей военнослужащего (через констатацию таковых) – «...добросовестно изучать военное дело, всемерно беречь военное и народное имущество и до последнего дыхания быть преданным своему Народу, своей Советской Родине и Советскому Правительству».

Хотя речь идет о внешних ценностях – социальных и «внутривоенных», что и отражено в таблице, но словами «добросовестно» и «всемерно» производится интернизация обязательств. Последнее обстоятельство и позволяет рассматривать второй абзац присяги СССР как систему ценностных (аксиологических) оснований, затрагивающую самые глубокие, витальные структуры субъекта-военного – обратите внимание на слова «до последнего дыхания». Такая предельность обязательств не кажется странной или чрезмерной, так как преданность касается самого субъекта, ибо присягает он «своему» Народу, «своей» Родине!.. Чувство меры, именно чувство, а не рациональная целесообразность авторов присяги не подвело – слова «своего» перед Советским Правительством они не поставили.

Неудивительно – заключительный абзац присяги СССР также начинается с «Я», что «автоматически» интер-

низирует весь текст присяги и, действительно, затрудняет отнесение того или иного ее компонента к «чистому» экстернализму или интернализму. (Выше об этой методологической проблеме, обозначенной Степиным В.С., мы уже говорили).

Подчеркну особо, ни разу точка координат – место самоопределения человека – не была утеряна, т.е. на каждом шаге процедуры, если говорить операционально-алгоритмически, все «выходы» предыдущего шага были, принимались как «входы» последующего.

Вернемся к последнему абзацу. Содержание его наполовину посвящено должному¹ поведению субъекта-военного – «*всегда готов* по приказу Советского Правительства выступить на защиту моей Родины – Союза Советских Социалистических Республик и, как воин Вооруженных сил, я клянусь защищать ее мужественно, умело, с достоинством и честью, не щадя своей крови и самой жизни для достижения победы над врагами». Вторая половина данного абзаца констатирует последствия от несоблюдения присяги – характеризует законодательные и моральные императивы оценки неподобающего поведения: «...если же я нарушу эту мою торжественную присягу, то пусть меня постигнет суровая кара советского закона, всеобщая ненависть и презрение трудящихся». (Припомним недавнюю историю нового времени – слова одного из ныне опальных олигархов о том, что для него важно мнение лишь близких ему людей, а народ «все схавает».)

Кроме того, можно заметить, что заключительный абзац присяги СССР содержит две доминанты, а именно: внешнюю – кто отдает приказ, с какой целью действует военнослужащий (ради победы над врагами), «кару советского закона», – и внутреннюю – клятвенное самоопределение – принятие подобающего образа жизни, обеспечивающего выполнение обязательств – готовность даже к смерти. И, наконец, обратите внимание, если первый абзац начинается со слов «Я – гражданин», то заканчивается присяга – ее третий абзац, – уже словами «Я... как воин Вооруженных сил...». Не прошло и минуты, затраченной на произнесение данного текста, как имярек из гражданина стал военнослужащим-человеком-военным, другим человеком.²

Ну, что ж, наш первый промежуточный итог состоит в констатации высокой перлюкутивной силы воен-

¹ Не удержусь от комментария. Здесь есть некая тонкость. «Должное» при интернизации – при принятии – становится «подобающим». Попробуйте почувствовать разницу.

² Вот что написано в Большой советской энциклопедии, в статье «Присяга военная». Пя. - торжественное обещание (клятва), даваемое каждым гражданином при вступлении в ряды вооруженных сил. Существует в вооруженных силах большинства государств с глубокой древности. ...В СССР П. в. даваемая каждым советским гражданином при вступлении в ряды Вооруженных Сил, выражает его *готовность* (здесь и далее выделено мной – М.П.) выполнять *священную* обязанность по защите Отечества в соответствии с требованиями Конституции СССР (статьи 132 и 133). Принятая в установленном порядке П. в. *становится для военнослужащего законом* на весь срок его военной службы. ... (Цит. по: // <http://slovari.yandex.ru>).

ной присяги СССР – с точки зрения «я-трансформации» человека, ее принимающего. Речь идет, прежде всего, о теоретической, потенциальной силе присяги (об очевидной формальности простого прочтения такого текста говорилось выше). Перейдем к рассмотрению результатов подобного же анализа присяги независимой России.

Результаты анализа военной присяги современной России

В некоторых компаниях российских, современных – это так, замечание к месту – сотрудник расписывается за документ или приказ дважды – в двух графах: «читал» и «понял».

Попытаемся и мы понять, что написано в новой присяге и что происходит с человеком, когда он ее принимает, а чего не происходит (и не должно произойти из-за «конструктивных» особенностей текста): что не менее важно, как это будет явлено в результате проведенного анализа (табл. 2).

Начинается присяга независимой России также «интернизировано» – «Я, имярек, торжественно присягаю на верность своей Родине – Российской Федерации».

Во-первых, имярек присягает от самого себя лично – кто он по своему гражданскому (можно добавить и по правовому) статусу, самоопределению неясно. В принципе это может быть любой иностранец.

Более того, звучит предлагаемое самоопределение по меньшей мере странно, что называется: «Здравствуй, мама, узнаешь своего сына?». Почему? Из первого предложения, а всего военная присяга России состоит из трех предложений (советская из трех абзацев), логически вытекает, как следствие, что в Российской Федерации есть

люди, которые не присягали ей на верность как Родине (раз они не служили в армии), т.е. они люди без Родины... Вернее, с Родиной, но они ей, Родине, ничего не обязаны... Выходит также, что таких людей в стране большинство. Старшее поколение так, кстати, сегодня и говорит: «Как не в своей стране живем...».

Итак, получается, что на верность России присягает человек внешний по отношению к ней, более того, с чем связано данное его деяние – прозрение, «узрение» Родины – неясно.

Во-вторых, можно торжественно *клясться* (интернализм), как в случае присяги СССР, а можно торжественно *присягать*¹ – торжественно подписывать договор, – это уже явный «экстернализм».

Далее, во втором предложении, в том же духе экстернализма, вполне закономерно следует текст «*Клянусь свято(!)* (курсив и восклицательный знак) соблюдать ее Конституцию и законы», что свидетельствует о появлении сакральной реальности – конституции и законов, – священных скрижалей (не хочется писать – священного дышла», на фоне периодически возникающих дискуссий о необходимости подправить Конституцию), что для светского государства и любого здравомыслящего человека весьма странно: богу – богово, а кесарю – кесарево, как известно. Однако, если признать возможность священности конституции и законов, то, будучи божественной, эта реальность вневременная человеку, неподвластная ему, т.е. «экстернальная». Более того, Бог попускает человека быть свободным от него... И приход человека к вере – это его свободный выбор, а не священная обязанность. Это общеизвестный красугольный камень христианского догмата веры.

Если же последовать святоотеческой традиции

Таблица 2

Постнеклассическая субъектная структура военной присяги независимой России

Подход к рассмотрению структуры присяги	Структура субъекта военной геополитики			
	Внутривоенные		Социальные (внешние)	
	цели	ценности	цели	ценности
Экстернализм	Клянусь... строго выполнять требования воинских уставов, приказы командиров и начальников	Клянусь достойно выполнять воинский долг	Клянусь свято соблюдать ее <своей Родины – Российской Федерации> Конституцию и законы	Клянусь... мужественно защищать свободу, независимость и конституционный строй России, народ и Отечество
Интернализм				Я, (фамилия, имя, отчество), торжественно присягаю на верность своей Родине – Российской Федерации

¹ Военная присяга - в РФ - торжественное обещание гражданина при вступлении его в ряды Вооруженных сил выполнять *обязанность* (выделено мной – М. П.) защиты Отечества (Цит. по: //http://slovari.yandex.ru).

диалектического понимания проявлений высшей онтологии в человеке, принимающей наличие Бога внутри нас, то онтологические основания Конституции распространяются на физиологические процессы в организме человека в силу природы пантеизма. Академику И.П. Павлову – старейшине физиологов мира, лауреату Нобелевской премии в области физиологии, человеку, как известно, верующему, – такое бы понимание законов физиологии и в страшном сне не приснилось. Но примем данное немаловажное следствие к сведению.

Интересен в контексте «святости Конституции и законов» анализ слова «соблюдение», но это, читатель, вы можете проделать сами, понимая диалектику жизни в соблюдении заповедей.

Тем не менее – написано пером. С появлением сакральной реальности конституционного типа открываются такие аксиологические (ценностные) дивергенции, как святые и первогрешники российской Конституции и ее законов... со всеми вытекающими последствиями.

Если кому-то в моем тексте чудятся нотки издевки, напрасно. Присяга и клятва – не тот жанр, в котором допустимы метафоры.

Как вам, например, такой приказ?

– Приказываю выступить на защиту Конституции (конституционного строя) Российской Федерации!

Где должен стоять военнослужащий? О чем он должен думать? Что должен делать? Не смешно.

Первое предложение присяги независимой России, как и первый абзац присяги СССР, закладывает онтологию (бытийность) жизненного пространства военнослужащего, второе предложение (второй абзац соответственно) – ценностные (аксиологические) основания. Так, как тогда понимать «свято»? Это метафора или онтология с аксиологией (бытие и система ценностей)? Если это метафора, то ситуация возникает довольно глупая. Если к словам отнестись серьезно, то ничего кроме глумления над жизнью солдата за ними не стоит.

Далее. Второе предложение присяги заканчивается обязательством «строго выполнять требования воинских уставов, приказы командиров и начальников». Данные требования не могут быть внутренними, потому как имярек в реальность военной службы как в новый образ жизни не перешел: «Я» остался самим собой в новых предлагаемых обстоятельствах (формула Станиславского), и этот «Я» просто играет роль, исполняет функционал, как говорят управленцы. Можете вспомнить комментарий к военной присяге СССР, где я выделил слово «готовность». Мы по жизни знаем: «обещать, не значит жениться». Об этом аспекте будем говорить ниже.

Третье заключительное предложение присяги независимой России констатирует обязательство «достойно выполнять воинский долг» («экстернализм», согласно словам достойно и долг), «мужественно защищать свободу, независимость и конституционный строй России...» – защищать вещи также внешние. И наконец, «...мужественно защищать... народ и Отечество» – также следуют без слова свой, но это мы уже сравниваем со словами присяги СССР, забегая вперед.

Возможно, по мнению авторов присяги, Отечество в определении «свое» не нуждается. Но с появлением слова «Отечество» возникает еще один казус: дихотомия «Родина – Отечество». Это одно и то же или «две большие разницы», как говорят в Одессе? Если Родина связана с конституционным строем (сакральной реальностью – как мы теперь понимаем), то где субъект клялся на верность Отечеству? Или Отечество как раз и представляет в свернутом виде ту самую внутреннюю (интернализированную) реальность, которая в присяге независимой России отсутствует.

Следует обратить внимание на слова «клянусь», с которых начинаются второе и третье предложения в Военной присяге России. Слова, согласно вышепроведенному различению «присягать – клясться», явно «интернальные», то есть их можно поместить в нижнюю часть табл. 2, в пустующую часть. Но, поразмыслив, именно и только слово «клянусь». Содержание клятвы должно остаться в верхней части таблицы – во внешней...

Итак, подведем второй предварительный итог.

Следует констатировать, что Военная присяга современной России экстернализна по принципам своего построения, что указывает на ее несбалансированность по оси «экстерналистность–интернальность».

Хуже то, что присяга не переводит субъекта из состояния гражданского человека – в состояние человека военного. Человек, зачитывая означенные в ней обязательства, их не принимает, так как они текстом присяги не интернизируются – не переводятся в его внутреннее пространство: меняется только внешний уклад жизни, в узком смысле появляется новое правовое поле, которое начинает распространять свое действие на субъекта.

Иными словами, во внутреннем пространстве человека никаких событий, инициирующих его в новом качестве, не происходит! Данный подход распространяется как на систему ценностей, так и на императивы поведения субъекта. Ситуация усугубляется тем, что и онтологические основания жизни человека-военного не сформированы. Более, сути того, кем имярек должен стать и что ему предстоит пережить – имярек не знает: своего целевого состояния (а не поведения!) не осознает и не принимает.

Краткое сравнение двух Присяг- СССР и независимой России

Заметны принципиальные отличия в способе формирования внутренней доминанты мировосприятия у субъекта-военного – у военнослужащего Советских Вооруженных Сил и военнослужащего Российской Федерации. Первый находится в центре мира – как гражданин, становящийся и ставший военнослужащим – субъектом геополитики (в силу того, что он защищает Родину – СССР, являющуюся географическим, политическим и пр. образованием). Субъектом, принявшим (интернационализировавшим) свою новую позицию защитника в этом «старом» для него мире Родины.

Второй, россиянин, также встает, но не в центре, а внутри – внутри внешних обстоятельств, предопределяющих достойное выполнение им воинского долга – детерминирующих только его поведение, а не образ жизни!

Справедливости ради можно припомнить, что в советское время тоже говорили об обязанности – «служба в Вооруженных силах – почетная обязанность гражданина СССР». По сравнению с таким пониманием в российском варианте мы имеем контекст почетного исполнения обязательств по договору. Тем не менее общее заключение по результатам сравнительного сопоставления двух воинских присяг следующее.

Мы вынуждены констатировать, что перлокутивная сила Воинской присяги современной России по сравнению с ее советским аналогом ничтожна.

Конечно, принятие присяги – это воинский ритуал, в котором сам текст – лишь один из его элементов [9]. Очевидно, что весь ритуал в целом оказывает психологическое воздействие на военнослужащего. Вот что об этом рассказывает участник Великой Отечественной войны, Герой Советского Союза полковник В. Евдокимов: «Более сорока лет прошло с того дня, как я принимал Военную присягу. Но помню ее хорошо. Помню потому, что такой день, когда даешь клятву на верность Родине, вообще бывает раз в жизни. Как положено, принятие Присяги проходило в торжественной обстановке. Вынос Боевого Знамени, маршевая музыка, волнующая речь командира, поздравления однополчан – разве это забудешь! В самые тяжелые минуты на войне воспоминания об этом дне помогли обрести силы» [10].

Очевидно также, что юридическая сила российской Военной присяги отнюдь не ничтожна, что есть и другие элементы военной системы безопасности. На то она и система. Принципиально другое. «Армия – душа государства», – слова приписывают Петру I. Получается, что душа-то – внутреннее пространство военнослужащего из

русской присяги выпала... Вот такую армию мы строим: система есть, а души – нет. Нужна ли нам такая армия? Ведь солдат не может быть человеком поверхностным – он должен знать, кто он, с кем и за что он сражается? Это не мои слова, это слова одного из лидеров афганского «Талибана».

Оценка эффективности, результативности, экономичности и человечности первого или второго способов выстраивания отношений субъекта геополитики с миром в современных условиях – отдельная научно-практическая проблема.

Вышеприведенная история ветерана подсказывает, что именно во внутреннем пространстве человека, как бы мы его ни называли: духовным, психологическим, антропологическим, субъектным и прочее – черпаются те силы, что ведут к победе. Как эти силы обретаются?

Походы к ответу на данный вопрос мы попытаемся рассмотреть в дальнейших исследованиях в рамках гуманитарной экспертизы – нового комплексного, междисциплинарного научно-практического направления – применительно к оценке безопасности и позитивности тех или иных технологий, в том числе социальных или политических. В качестве материала таких исследований могут быть взяты воинские присяги «наших вероятных противников», рассмотрены сдвиги мировоззренческих детерминант, формирующих «человека военного» в исторической перспективе.

Так, в качестве образца для сопоставительного анализа приведем присягу гитлеровской Германии: «Перед лицом всемогущего Господа Бога! Я клянусь! Быть верным и смелым солдатом фюрера немецкого народа Адольфу Гитлеру!» [11].

Не менее интересна задача оценки перлокутивной силы и локутивной цели(ей) той или иной присяги и вытекающая из такой оценки возможность типологизации (классификации) присяг.

Вот еще один исторический пример, демонстрирующий принципиально отличный тип присяги.

«Семеновский отряд (атамана Григория Михайловича Семенова – одного из лидеров Белого движения в Забайкалье – прим. авт.) пополнялся по тому же принципу, что и Запорожская Сечь. У русских добровольцев никаких документов не спрашивали, задавали всего три вопроса: "В Бога веруешь? Большевиков не признаешь? Драться с ними будешь?" Утвердительные ответы давали право быть зачисленным на денежное и прочее довольствие [12].

Можно увидеть, что «семеновская» присяга представляет собой не процедуру инициации, а диагностиче-

скую процедуру «свой – чужой». Но это уже тема следующего шага исследований.

Человек мира и войны

Ценность вышеприведенного материала для понимания и решения пусть частных, но отнюдь не мелких проблем реформирования вооруженных сил страны очевидна. (Конечно же, автор статьи не считает, что если присягу переписать, то все у нас с нашей армией будет хорошо.) Как очевидно и то, что ритуалы посвящения и возрастные инициации – темы устоявшиеся в этнографии, культурологии и антропологии.

Наша же сверхзадача в другом – включить в обсуждения проблем армейской жизни и ее проявлений рассмотрение такого научного объекта как событийно-процессуальный пласт внутреннего пространства человека.

Кстати, такая же задача стоит и перед философской антропологией: задача расширения нашего понимания сути инициации – сути перехода, лиминального (рубежного) становления человека (задача герменевтического раскрытия события во внутреннем пространстве человека). При такой постановке можно говорить о самом широком – о гуманитарном понимании становления человека.

Как человек становится преступником или как он остается человеком закона? Почему одни выбирают роль жертвы, а другие встают на путь гомицида? Что с ним, с человеком, в этом момент происходит или не происходит?

Чем, в конце концов, обеспечивается остойчивость, воспользуемся морским термином, внутреннего «Я» человека в конкретных жизненных обстоятельствах – обстоятельствах выбора жизненного пути между преступлением и законом, предательством и должным поведением? На чем зиждется самостояние человека (это уже А.С. Пушкин)?

Без понимания интимного механизма внутренней трансформации человека мы не только не поймем феномена превращения былинного разбойника Кудияра в святого Питьирима, но и не сможем продвинуться в становлении такого направления в современном правосудии как «восстановительное правосудие». Не сможем преодолеть традиционный правовой нигилизм наших граждан, не сможем понять себя в этом мире. Мы много чего не сможем сделать. И уж тем более – не сможем воспитать воина.

Перспективы дальнейшего исследования

В свете последних вопросов и проведенного анализа проявлена необходимость применения схемы субъекта, позволяющей более точно и прицельно вскрыть онтологию его внутреннего пространства. В качестве таковой планируем воспользоваться теоретической моделью внутреннего человека – концептом *виртуального человека* [13] Николая Носова (1952 – 2002 гг.) – основателя и первого руководителя Центра виртуалистики Института человека РАН (www.virtualistika.ru).

Литература

1. Гумбольдт В. фон. *Избранные труды по языкознанию*. – М.: Прогресс, 1984. – С. 173.
2. *Общевойсковые уставы Вооруженных Сил СССР*. – М.: Воен. Изд-во МО СССР, 1970. – С. 5.
3. *Общевойсковые уставы Вооруженных Сил Российской Федерации*. – М.: Воен. изд-во, 1994. – С. 5.
4. Стетин В.С. *Теоретическое знание*. – М.: Прогресс-традиция, 2000. – 744 с.
5. Кормина Ж. *Воинская присяга: к истории одного перформатива // Неприкосновенный запас*. – 2004, № 1. – С.: <http://magazines.russ.ru/nz/2004/1/korm16.html>.
6. Пронин М.А. *Лингвистическая виртуалистика // Профессиональные коммуникации: вербальные и когнитивные аспекты. Сборник докладов Международной научно-практической конференции*. – М.: РИПО ИГУМО, 2007. – С. 20 – 21; Pronin M.A. *The virtual linguistic // XXII Congress of Philosophy: Rethinking Philosophy Today / July 30 – August 5, Seoul, Korea*. – Seoul: Seoul National University, 2008. – P. 339 – 340.
7. Остин Дж. Л. *Слово как действие / Пер. с англ. А.А. Медниковой // Новое в зарубежной лингвистике: Вып. 17. Теория речевых актов. Сборник*. – М.: Прогресс, 1986. – С. 22 – 130.
8. Чеснов Я.В. *Телесность человека: философско-антропологическое понимание*. – М.: ИФ РАН, 2007. – 213 с.
9. Серых В.Д. *Воинские ритуалы*. – 2-е изд. *Перераб. и доп.* – М.: Воениздат, 1986. – 255 с.
10. *Красная звезда*. – 1983, 20 ноября. *Цит. по: Серых В.Д. Воинские ритуалы*. – 2-е изд. *перераб. и доп.* – М.: Воениздат, 1986. – С. 22.
11. Дроздов Ю. *Вымысел исключен (Записки начальника нелегальной разведки)*. 2-е изд. *испр. и доп.* – М.: Альманах «Вымпел», ноябрь 1996. – С. 148.
12. Юзефович Л. *Самодержец пустыни (Феномен судьбы барона Р.Ф. Унгерн-Штернберга)*. – М.: Эллис Лак, 1993. – С. 41.
13. Носов Н.А. *Виртуальная психология*. – М.: Аграф, 2000. – 432 с.

Материал поступил в редакцию 24. 08. 2008 г.